

Владимир Юдин

ХУДОЖНИК - ГРАЖДАНИН

Недавно я получил 6-й, завершающий том Собрания сочинений выдающегося современного русского публициста - мыслителя, писателя-просветителя и пламенного поэта Валерия Хатюшина.

Шеститомник чрезвычайно жанрово многообразен: его составили стихи, проза, литературно-критические статьи, острополемические заметки, политические памфлеты, реплики, эссе, выступления, предисловия и послесловия к публикациям других авторов, важные для писателя письма, имеющие актуальную общественно-эстетическую ценность, а также отклики современников на его многожанровое творчество.

Как и в своих ярких, самобытных художественных произведениях, автор и в критических работах демонстрирует незыблемую, твёрдую устойчивость национально-патриотических взглядов и убеждений, его острое перо полемично не ради самой полемики, но исключительно во имя утверждения высокой правды искусства слова. Его статьи предельно искренни, на грани святой исповеди, лишены занудливого эстетства и холодного формализма, изложены тревожным, трепетно-взволнованным языком художника-гражданина, небезучастного к судьбе Отчизны, вдохновляют на создание столь же высокого, облагораживающего душу и сердце искусства.

Перед нами тот феномен, когда критика и публицистика произрастают из единого, национально-духовного корня, прочно взаимодействуют друг с другом, имея одноцелевую социальную и художественную задачу: органично соединить литературу и действительность.

По своим художественным воззрениям В. Хатюшин — последовательный приверженец русской национально-эстетической школы, истоки которой берут начало от «последнего славянофила», классика отечественной словесности XX века Ивана Аксакова и последующих просветителей-«почвенников», оставивших ярчайший след в истории развития русской философско-эстетической мысли.

Изначально критик-публицист страстно и безоглядно отстаивает идею величия нравственно-культурной миссии русского народа и русской государственности, выдвигая на первый план, вопреки бурному потоку пустых подделок, литературу, утверждающую непреходящие, исторически сложившиеся, корневые для нашего национального сознания ценности.

Критико-публицистическое перо В. Хатюшина впитало в себя фундаментальные достижения классической аналитики искусства слова

прошлого, оно оригинально, самобытно и вместе с тем прочно связано с творчеством патриотично мыслящих предшественников. Так, по стилю и языковой стилистике, по страстному пафосу защиты своих национальных литературных святынь В. Хатюшин мне живо напоминает Андрея Белого (Бориса Николаевича Бугаева), выдающегося русского писателя, поэта, критика и мемуариста периода крутого перелома XIX—XX столетий, чьи нижеприведённые слова из его знаковой статьи *«Штемпелёванная культура»* (1909 г.) не только не устарели, но обрели сегодня ещё более жгучую актуальность, словно предопределяя неизбежное появление прямых последователей его идей в наше нелёгкое время.

«Разве вы не замечаете ужасающего роста интернациональной, прогрессивно-коммерческой культуры во всех областях искусства, где проявляется гений (т.е. квинтэссенция народного духа). Рост книгоиздательства, единственная цель которых — нажива, централизация книжного и музыкального дела в одних руках, так что некоторые литературные и музыкальные предприятия становятся чуть ли не интернациональными; вместе с тем страшное падение литературных нравов, продажность прессы, понижение уровня критики и всё большая её гегемония в вопросах творчества; выступление на арену творчества сомнительных господ, наконец, фабричное производство идей и фальсифицированные гениальности — всё это заставляет нас наконец сказать решительно: «Довольно!» — с великой тревогой писал А. Белый.

Не секрет, одно из величайших и отвратительнейших зол на планете — гипертрофированная русофобия во всех её диких и несуразных ипостасях. Разжигаемая на протяжении длительного исторического времени англосаксонскими стервятниками, ненависть к России, к её народу, истории, культуре обрела некий международный агрессивно-политический статус, всеразрушающая пропаганда русоненавистничества яростно культивируется на Западе с оных времён по сей день во всех областях жизни и практически во всех точках земного шара как нечто обычное и повседневное.

В западном «цивилизованном» сообществе русофобия издавна стала реальной практикой и естественным «делом» как в международной политике, так и в научно-гуманитарной сфере и превращена в некое психотропное оружие, которым одурманивают не только русских, но и весь мир. Достаточно сказать, что в ведущих университетах США написаны и бесконечно пишутся тысячи статей, книг, диссертаций, прочих *«научных исследований»*, посвящённых *«таинственно-загадочной»*, *«неподатливой»*, *«дикой»*, *«пещерной»*, *«мятежной»* и пр., и пр. русской душе. О якобы агрессивном и враждебном всему цивилизованному миру русском национальном характере, о русском человеке как *«неуживчивом»* и всеми ненавидимом существе природы, *«глубокомысленно»* судят по образу Смердякова, выписанному

гениальной рукой Достоевского, и другим, родственным ему, литературным типам с грязной и богомерзкой душой...

Вослед западным «партнёрам» с некоторых пор активной пропагандой русофобии занялась и клинически ненавидящая всё русское доморощенная либеральничая публика в России, которая, сладострастно упиваясь русофобскими идеями своих западных наставников, по словам И.С. Аксакова, *«лишена всякого исторического сознания и всякого живого национального чувства»*.

В. Хатюшина трудно заподозрить в пресловутом «великодержавном шовинизме» (хотя либеральная публика прежде всего пытается «уесть» его именно по этой части), так как с подчёркнутым самоуважением анализируя исторически сложившуюся особенность наших национальных черт, под русскостью он понимает прежде всего нашу великую национальную культуру, перед которой склоняет голову весь действительно цивилизованный мир и которая объединила в России людей разных по крови для защиты своего духовного, веками сложившегося богатства.

Писатель-мыслитель с обострённым чувством собственного национального достоинства, В. Хатюшин не в силах равнодушно созерцать, как о величайшее духовное наследие предтечей ежедневно вытирают ноги воинствующие русофобы всех мастей, и потому жёстко противостоит тем расплодившимся в неизмеримом количестве пресловутым законодателям мод, кто пытается диктовать свои утилитарно-убогие «методы» в области теории и практики русской литературы, низводя её до примитивного уровня служанки властвующего в искусстве бомонда.

Хлёстко, предельно лаконично, с убийственной логикой Валерий Хатюшин развенчивает русоненавистнические доктрины в своих острых публицистических эссе «Протуберанцы», в которых автор не проходит мимо заметных фактов или событий текущей общественно-политической жизни.

Творческим ориентиром для яркого художника слова изначально является народная эстетика, утверждающая высокий морально-этический идеал личного самоотречения во имя безоглядного служения родному Отечеству. Как мы знаем, только художник, выражающий подлинные думы и чаяния народа, способен покорить самые высокие творческие вершины.

Хорошо известно, русский национализм и русский патриотизм, осенённые православно-христианской верой, как убедительно доказал ещё И.А. Ильин, — главные противники русофобствующих либералов.

Недавно один из ярых либеральных идеологов заявил на радио «Эхо Москвы»: *«Главный враг свободы в России это не режим, не ГБ, не цензура,*

не репрессии. Это шовинизм и национализм. Потому что именно с помощью национализма, как с помощью угарного газа, глушат больного, чтобы он не лечился... В России вообще любят национал-людоедов». В таком же циничном, остервенелом русофобском ключе либералы «оценивают» великого русского поэта Ф.И. Тютчева: «Поэт был хороший... Но что он творил в российской идеологии — это страшно вспомнить».

Но мы-то знаем, что согласно своим патриотическим идеологическим воззрениям Ф.И. Тютчев «творил» русский национализм, преданно служил своему Отечеству, укрепляя его могущество своим глубоким, пронзительным словом, чем и оставил по себе добрую, нетленную память потомков.

Досужие отрицатели русофобии считают это явление якобы «высосанным из пальца», за ним, дескать, скрывают свой «пещерный антисемитизм» «малокультурные» русские и прочие «антисемиты». Придётся, не вдаваясь в детали, пояснить словами Валерия Хатюшина: «Русофобия — это тот же «антисемитизм», только против русских».

Видный просветитель П.И. Ковалевский понимал русский национализм как патриотизм, в котором нет и быть не может места шовинизму, отнюдь не посягающий на исконные патриотические чувства других племён и наречий.

«Русские националисты — людоеды...» — так говорят инородцы, ненавидящие Россию и желающие ей зла. Так говорят и некоторые коренные русские: или продавшие свою душу врагам отечества, или люди необразованные, или люди глупые. «Русские националисты» — люди, в действительности, всей душой любящие свою Родину и свою Нацию, уважающие её прошлое и желающие ей славы, мощи и величия в будущем. Таковы русские были, есть и будут во веки веков. (См.: П.И. Ковалевский. Русский национализм и национальное воспитание в России).

Патологическая неприязнь к русскому народу и всему русскому культивируется, как известно, не только во многих дурно пахнущих «россиянских» книгах, театральных постановках, фильмах типа скандально русофобской стряпни «Жила-была одна баба». Не секрет, страшный вирус русофобии (пострашнее СПИДа или Ковида-19!) охватил российский либеральный «бомонд» и активно подпитывается идейно и материально западными спецслужбами. Вспомним слова Екатерины Великой: *«Нет народа, о котором было бы выдуманно столько лжи, нелепостей и клеветы, как народ русский».*

«Россию разрушает не русский национализм, а русофобия!» — предельно чётко и ясно выразился наш современник, широко известный писатель и публицист Роман Перин (газета «Потаённое», 2014, №2).

Для чего мне понадобились вышеперечисленные изречения? Полагаю, следует исходить именно из этого контекста суждений и мнений, чтобы по праву вписать имя Хатюшина в ряд крупнейших современных русских мыслителей, по достоинству оценить разящую силу его публицистического слова, наносящего сильнейший удар по жестокой русофобии.

В статье «Кривые зеркала» (о «новых веяниях» в критике) и в ряде других Хатюшин тонко вскрыл механизм некой эстетизированной русофобии по наработанному распознавательному приёму: «свой — чужой», который в свое время демонстрировали либеральные критики А. Мальгин и М. Эпштейн, тенденциозно превознося до небес в общем-то малозначительных «городских» поэтов, назойливо противопоставляя их целой плеяде действительно талантливых, русских художников слова — «деревенщикам».

С научной точки зрения, преднамеренно введённые в оборот литературной критики (и даже академического (!) литературоведения) ярлыки — «деревенская проза», «сельская поэзия», «городские поэты» и т.п., — откровенно произвольные, искусственно надуманные, лишь подчёркивают глубоко чуждую литературе вкусовщину и субъективистскую отсебятину, возведённую в ранг неких «новых» подходов к литературе и поисков «новых дарований» в ней. *«Уверен, любовь к родной деревне есть залог пробуждения любви и к городу, где человек поселился, и к Родине вообще, — подчёркивает В. Хатюшин. — ...Нет поэтов ни «городских», ни «сельских» (как нет ни городской, ни деревенской прозы, но есть единая, цельная русская литература), и настойчивое отстаивание Мальгиным термина «городской» поэт противоречит самой сути понимания истинной поэзии, не принимающей различий по происхождению поэтов, по месту их проживания, по образованию и по другим признакам. И никто их по этим признакам никогда не делил. Звание поэта не нуждается ни в каких определениях»* (т. 4, с. 34, 42).

Последовательный традиционалист, сторонник наработанных веками в русской литературе классических приёмов и ценностей, В. Хатюшин настойчиво напоминает нам о весьма подзабытой сегодня национально-патриотической традиции в русской эстетике, о неизбывной нравственно-воспитательной роли живого слова как вдохновляющего, *«нас возвышающего обмана»* (великий русский педагог К.Д. Ушинский именовал эту функцию искусства *«поднимающей дух дидактикой»*). *«Писатель идёт от жизни, и он имеет большее право указать путь, по которому должно развиваться общество», — пишет Хатюшин («Горькие плоды», т. 4, с. 199).*

Литература — в том её изначальная морально-эстетическая задача — не ограничивается пассивной регистрацией фактов и явлений, она учит жить, учит правильно жить, сохраняя и оберегая в человеке подлинно человеческое. Если художник слова перестаёт неукоснительно следовать великой,

облагораживающей душу патриотической традиции, заложенной в русской литературе ещё со времён «Слова о полку Игореве», он перестаёт быть «сеятелем разумного, доброго вечного», т.е. теряет нравственное право быть духовным наставником общества и человека. *«Любое слово есть абстракция, если оно прочно не связано с современной действительностью, с её проблемами, болями и надеждами»*, — подчеркнул классик современности Ю.В. Бондарев.

И в своём самобытном художественном творчестве, и в раскалённой до предела публицистике В. Хатюшин неуклонно руководствуется исторически сложившейся в русской словесности методологией тесной и неразрывной связи национального искусства с национальной жизнью, взяв за основу патриотизм не только как морально-этическую идею, но прежде всего как важнейшую и необходимую на все времена категорию русской национальной эстетики.

Если понимание творческого процесса советского периода, как правило, строилось на навязывании литературе вульгарно-социологических догм бескомпромиссной *«классовой борьбы»*, при полном отрицании национальной самобытности художественного изображения действительности, то в годы последующих *«перестроек»* и *«всевозможных демократических преобразований»* *«минусы»* вредящих литературе вульгарно-социологических штампов с невероятной лёгкостью переводились в *«плюсы»*; с той поры писателям навязывается опасная идеология расчеловечивания человека с помощью агрессивной-руссофобской, космополитической, по сути, *«штемпелёванной культуры»*...

Между тем, истинный художник неизменно шире жёстких рамок формальных установок всевозможных методов и направлений — это многожды доказано русскими гениями изящной словесности.

Словно бы сознательно вызывая яростный огонь на себя со стороны любителей *«штемпелёванной культуры»*, В. Хатюшин заявляет: *«Кто-нибудь из относящих себя к интеллигенции скажет: мол, я пытаюсь возродить традицию социалистического реализма в искусстве. Ну, во-первых, ни в жизни, ни в творчестве невозможно ничего возродить. А во-вторых, традиция социалистического реализма в лучших её созданиях для современной литературы, вернее, для ныне живущих писателей просто-напросто недостижима»*.

...Может быть, я скажу крамольную фразу, но мне она таковой не кажется: литературные герои лучших произведений так называемого «советского соцреализма» по моральным качествам и художественному изображению — уникальны в воспитательном значении и недостижимы в значении нравственном. Как недостижимы художественные образы,

созданные Гомером, Данте, Сервантесом, Шекспиром, Гёте, Пушкиным, Достоевским. Из героев всей зарубежной литературы прошедшего столетия некого поставить рядом по силе духовного воплощения с литературными героями Михаила Шолохова. Не сомневаюсь, что в XXI веке это будет признано всеми» («Назначение литературы», т. 4, с. 243).

Решительно отвергая как грубую социологизацию тонкого, вдохновенного творческого порыва, так и безыдейное формалистическое трюкачество свободы слова «без берегов», Хатюшин во главу угла ставит непреходящие национально-эстетические, православно-христианские ориентиры, объективно выработанные русской национальной классикой на протяжении многих веков её развития, призывая к созданию действенного, побуждающего к активной жизненной позиции искусства слова. Так, оценивая поэзию Нины Карташёвой, критик видит не только глубоко и мастерски «закодированные» национальные истоки и мотивы, овеянные осветляющим православным духом, но и совершенно несовместимые с пустой созерцательностью современной «чижико-мотыльковой» поэзии призывы поэтессы к активному действию во благо Русской земли: *«Стихи её отнюдь не замкнуты на внутреннем, на воображаемом мире, лишены бездейственной созерцательности, но пропитаны конкретными реалиями нашей горькой действительности, наполнены болью за отчий край, состраданием к ближнему, в них слышен призыв к действию»* (т. 4, с. 392).

Убеждён, эта мысль критика содержит в себе важнейшую эстетическую квинтэссенцию, обобщает его мировоззренческий идеал: без социально-нравственного, духовно возвышающего просветительства, без болевого православно-христианского сострадания к ближнему и, главное, без активного авторского указующего действия - нет и не может быть речи об истинной художественности. Литература, как восклицал русский Гений, призвана *«глаголом жечь сердца людей»*...

Отсюда и необычайно острый интерес Хатюшина к целой плеяде совершенно не учтённых, откровенно проигнорированных нашей либеральной критикой целой когорты замечательных русских поэтов-многострадальцев Белой гвардии. Открытие имён и углублённый анализ их самобытного творчества является несомненным научным открытием критика-патриота.

В чём же видит В. Хатюшин художественное своеобразие и идейно-волевою силу стихов Арсения Несмелова, Николая Туроверова, Сергея Бехтеева, Ивана Савина, Марианны Колосовой и других, «исторгнутых из российской словесности на волне классовой вражды» творцов слова? Эти поэты исключительно органично, на духовной высоте святого причастия сопрягли в своих страстных поэтических откровениях личную горькую судьбу с кроваво-трагической судьбой революционной России...

Важно отметить, что автор не противопоставляет одних творцов слова другим, исходя из каких-то личных взглядов и пристрастий, ему абсолютно чужды литературная вкусовщина и субъективизм. Призывая собратьев по перу с должным вниманием оценить несправедливо забытых поэтов Белой гвардии, он вовсе не зачёркивает известные достижения русской поэзии предреволюционных лет, но стремится обозреть и определить ключевые тенденции русской словесности в полном виде, в сложнейших связях и взаимодействиях разнообразных литературных групп и течений, *«в противном случае Серебряный век русской поэзии теряет свою цельность»* (т.4, с. 291).

Какая же главная задача стоит перед литературой? *«Литература прежде всего обязана нести миссию очищения человечества от грязи и пошлости жизни. Литература обязана уметь лечить и воспитывать общество, давать ему идеал, показывать путь к нравственному прогрессу. В противном случае она не нужна вовсе и даже вредна. Сказанное не означает, что литература должна быть только такой и никакой другой. Но грош цена той литературе, которая вообще не выполняет воспитательной, нравственно-очистительной функции, если в ней нет примеров национального героизма. <...> Литературе необходим именно герой, во всех смыслах герой. Если литература не способна дать людям этот идеал, указать в положительном смысле наивысший пример для своего народа, то народ этот обязательно попадёт в ситуацию, в которую русские попали перед 1917 годом»* (т. 4, с. 242).

Высокая миссия духовно-нравственного очищения человека литературой невозможна без стремления к религиозной Истине, совершенствующей и возвышающей общество. Эту классическую мысль русской национальной эстетики, открытую ещё древнегреческим искусством как катарсис, В. Хатюшин последовательно проводит из одной своей работы в другую. Знаковая в этом смысле статья *«Отрицательная литература»* открывается словами: *«Когда в сердце писателя нет стремления к религиозной Истине, его литературная работа является ничем иным, как профессиональной игрой»* (т. 4, с. 316).

В более ранней статье *«Без Божества»* идея тонкой и облагораживающей сопричастности художника слова с православным духом подкреплена ссылками на основополагающие высказывания Пушкина, Гоголя, Достоевского и других гениальных русских классиков, которые не мыслили своё творческое вдохновение вне Божьего благословения. *«Хочу подчеркнуть, — пишет В. Хатюшин, — именно поэтому искусство, если оно искусство, а не баловство, не игра, принципиально должно быть подчинено высшим религиозным задачам. В деятельности художника, в конце концов, должен быть виден переход от эстетического мировоззрения к религиозному. Если этого не происходит, то можно сказать, что художник не состоялся. Выше*

Бога нет ничего... Религиозное чувство в человеке и в конечном счёте в художнике выше и важнее чувства эстетического» (т. 4, с.317).

Иные утверждения автора, допускаю, намеренно остро полемичны и могут шокировать читателя, привыкшего оперировать закаменелостоявшимися, знакомыми нам со школьной скамьи, социологическими формулами. Так, статья *«Назначение литературы»* открывается заявлением, которое, по первому чтению, представляется довольно категоричным и даже сомнительным: *«Накануне двух революций 1917 года в России почти не было современной тому времени исконно русской патриотической литературы»* (т. 4, с. 230). В совершенно новом, порой ошеломляюще неожиданном свете воспринимаются критиком Чехов, Блок, Маяковский, Бунин, Ремизов, Ф. Сологуб, Л. Андреев, Короленко, Куприн... *«Февральская революция просто не могла не произойти, так как в России на то время начисто отсутствовала глубоко национальная патриотическая идеология. А «русские» философы — Вл. Соловьёв, Н. Бердяев, В. Розанов, П. Флоренский, Г. Федотов, Н. Лосский и многие другие накануне антиправославной вакханалии и отречения царя были заняты еретическим богоискательством, в основном масонского толка»* (т. 4, с. 240—241).

Однако эпатажное, на первый взгляд, заявление, при вдумчивом его анализе, приводит к единомыслию с В. Хатюшиным. Как убеждает критик, за критерий подлинной художественности следует брать не формалистические изыски «войны» с русским словом, чем по преимуществу занимались многие литераторы-модернисты Серебряного века, а честное и открытое служение искусства народу, своей Родине, особенно в эпоху решающих, судьбоносных для Отечества катаклизмов.

«Нельзя сказать, что в России совсем не было патриотически мыслящих деятелей литературы, общественной и духовно-религиозной жизни, — далее пишет В. Хатюшин. — Активно печатались и предупреждали русский народ о масонском и сионистском заговоре Селянинов, Меньшиков, Шмаков, Нилус, Жевахов, Марков-Второй (Признайтесь, коллеги-филологи, хорошо ли вам ведомы эти имена и их книги? Надёжно ли они нынче закрепились как объект научной филологии?.. — В.Ю.). Но их почти не слушали, точнее, их голос тонул в еврейско-масонском галдеже литературных салонов и «философских кружков» под пристальным оком Мережковского, Вяч. Иванова, Гиппиус и других «братьев» и «сестёр», которые, кстати сказать, отторгли от себя и Гумилёва, и Есенина...» (т. 4, с. 241—242).

Таким образом, несмотря на обострённую полемичность, критико-публицистическая аналитика В. Хатюшина отнюдь не беспочвенна, строится на богатой фактуре историко-литературных реалий, на многообразных жизненных обстоятельствах и должна, на мой взгляд, внести определённые коррективы в

современную методологию изучения отечественной словесности, к ней обязана всерьёз прислушаться академическая филология.

В самом деле, антироссийские экстремистские действия радикал-революционеров начала XX века идейно подпитывались не только откровенно пробольшевистски настроенными писателями (М. Горький), но и либерально настроенными, денационализированными журналистами, критиками, публицистами и литераторами. Идеологическая мина замедленного действия, которую подложили революционеры-разрушители, — пресловутый Интернационал. Именно он послужил идеологическим источником всех разрушительных антирусских и антиправославных настроений, в том числе в литературе тех лет.

Как известно, вождь мирового пролетариата Ленин, исходя из своих интернациональных (читай — русофобских) умонастроений, облыжно обвинял русский народ в «великодержавном шовинизме», а Россию голословно назвал «тюрьмой народов». Семена агрессивной денационализированной политики дали зловещие всходы сегодня.

Вспомним, как в 90-е годы в российской критике и филологии шли горячие споры о необходимости выработки новых методологических подходов к изучению отечественного литературного процесса, в диком русофобском ореоле тех лет безнадежно тонули наработанные веками опыт и православно-христианские традиции классической национальной эстетики, без умолку славил всяких-разных рождественских, оруджав, евтушенок, вознесенских, дементьевых, а на задворки литературы нагло выбрасывали русских, национально мыслящих гениев как прошлого, так и настоящего, навязывая академической филологической науке, российским общеобразовательным школам и гуманитарным факультетам вузов исключительно космополитическую, омертвелую, по сути, русофобски-безыдейную гореметодологию.

Надо признать, она и ныне победно шествует в школьных и вузовских программах, где не нашлось достойного места Шолохову, Леонову, Есенину, Твардовскому, И. Ильину, А. Зиновьеву и многим другим, не говоря уже о прекрасных творениях художников слова Русского зарубежья и поэтов Белой гвардии...

Как известно, в России начала XX века существовали две основные, непримиримо-взаимоисключающие идеологии: идеология державной имперскости, защищавшая накопленные столетиями духовно - нравственные ценности и Православную веру, и жёстко противостоящая ей, разрушительная идеология денационализации всех институтов русской жизни, а также искусства и литературы.

В. Хатюшин тонко уловил, что далеко не всем крупным философам и литераторам той эпохи было дано распознать и предвидеть зловещую угрозу «грядущего хама», что способствовало в немалой мере разразившейся революционной катастрофе и последующим сокрушительным ударам по самому существованию России.

В. Хатюшин не «отпевает» русскую литературу, нет: она, по его мнению, как и Россия, жила, живёт и будет жить в своих лучших национально-художественных проявлениях и связях с живой жизнью. Однако пришла пора решительной ломки изживших себя стереотипов, антинациональных взглядов и методических искривлений, опасных не только для литературы, но и для всей системы государственных устоев, губительно сказывающихся на духовном развитии граждан.

Особенно беспощадно нетерпим В. Хатюшин ко всякого рода псевдолитературным вывихам современного поставангардизма и прочим антиреалистическим «измам», в интерпретации которых человек начисто утрачивает данные ему Богом черты и свойства души, когда вопреки правде жизни и в угоду золотому тельцу в священный храм искусства привносятся чудовищная ложь, сатанизм, апокалипсис, грязный цинизм, денационализируя и формируя клиповое сознание у юной поросли.

Вот почему статьи разных лет Валерия Хатюшина концептуально целостны, идейно монолитны и не утрачивают своей животрепещущей актуальности сегодня.

Безусловно, особенно мощной по беспощадной энергетике слова и бескомпромиссной по своей национально-патриотической позиции является политическая публицистика писателя. Собственно, политическими мотивами, связанными с исторической судьбой России, так или иначе пронизано всё его творчество, о каких бы темах и проблемах ни шла речь. Как говорил В. Хатюшин: *«В 1992 году у меня почти нелегально, за собственный счёт, вышла книга «Русская кровь». Вся она состояла из стихов гражданского звучания: с первой до последней страницы»* (т. 4, с. 237).

Но в публицистике, в силу особенностей жанра и индивидуального мастерства, В. Хатюшин открылся читателю во всей своей творческой полноте и гражданского мужества, как подлинный защитник русского народа, брошенного в кипящий котёл исторических потрясений.

Остаётся только сожалеть, что уникальный творческий путь столь яркого творца художественного слова, критики и публицистики до сих пор обойдён, за редким исключением, серьёзным вниманием объективной филологической науки.

